

Гугова Марина Хабасовна, Нальчикова Елена Аниуаровна, Текуева Мадина Анатольевна
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЕПОРТАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Целью статьи стало изучение женского опыта выживания в условиях этнической депортации балкарцев в годы Великой Отечественной войны. Гендерный подход к исследованию позволяет определить границы экстремального и повседневного в период вынужденного переселения. Основной вывод видится в следующем: политика власти в отношении сосланных народов Кавказа - совершение "этнической анестезии" - оказалась неудачной благодаря женским практикам адаптации к новым условиям существования и их способности сохранения ментальных установок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 71-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94(470.6)

Исторические науки и археология

Целью статьи стало изучение женского опыта выживания в условиях этнической депортации балкарцев в годы Великой Отечественной войны. Гендерный подход к исследованию позволяет определить границы экстремального и повседневного в период вынужденного переселения. Основной вывод видится в следующем: политика власти в отношении сосланных народов Кавказа – совершение «этнической анестезии» – оказалась неудачной благодаря женским практикам адаптации к новым условиям существования и их способности сохранения ментальных установок.

Ключевые слова и фразы: женщины; женская повседневность; депортация; практики выживания; Северный Кавказ; балкарцы.

Гугова Марина Хабасовна, к.и.н., доцент

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

Российской академии наук

gugowa@mail.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна, к.и.н., доцент

Текуева Мадина Анатольевна, д.и.н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

elenalchik@yandex.ru; tekmad@rambler.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЕПОРТАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

История депортации ряда народов Северного Кавказа, Крыма и Поволжья в 1943-1944 гг. на протяжении десятков лет продолжает вызывать острый публицистический и научный интерес в связи с особым драматическим и, более того, трагическим характером событий. Тема выселения балкарского народа, например, нашла отражение в ряде научных публикаций, посвященных отдельным аспектам проблемы этнических репрессий [7; 10; 11]. В них дается анализ причин выселения, рассматриваются социально-экономические условия существования в ссылке, влияние репрессий на национально-культурное развитие балкарцев, публикуются статистические данные, документальные свидетельства, раскрываются проблемы реабилитации народа. Однако за пределами внимания остались вопросы повседневности: индивидуальные драмы, тревоги, женские судьбы, проблемы социальной адаптации и т.д. Целью нашего исследования является изучение на примере депортации балкарцев мужского и женского опыта выживания в экстремальной ситуации выселения и депривации. Следует отметить, что в анализе проблемы в указанном ракурсе весьма плодотворным может стать гендерный подход, позволяющий «увидеть» детали повседневного быта, не учитываемые социальными историками, такие как эмоциональные переживания, нюансы отношений, трансформации половых ролей, влияние гендерных различий на формы и возможности адаптации и выживания и т.д. Поэтому главным источником для нас стали нарративные материалы, максимально высветившие эти аспекты.

Тема «Женщина и война» представляет собой особую область гендерных исследований [3-6]. Великая Отечественная война стала генератором гендерного сбоя привычных половых ролей, тем более явных и заметных на фоне трансформации традиционной культуры у народов Северного Кавказа. Но для балкарского народа экстремальность военного времени критически обострилась в связи с принудительным переселением в степи и пустыни Средней Азии. Тяготы военного времени, переживания за жизнь фронтовиков-мужей, отцов, братьев и сыновей, нарушение традиционного порядка вещей, резкая трансформация статусов усугубились болезненной сменой климатических и социально-исторических условий существования этноса. Онтологическим метакодом балкарского этнического сознания является вертикаль – горы, создающие, по образному выражению З. А. Кучуковой, ментальный «пояс безопасности» [9, с. 32]. Утрата его, безбрежность степных горизонтов, отсутствие «опоры» на генетически привычный ландшафт привели к потере пространственных и духовных ориентиров, общей деморализации. Продолжая по Г. Гачеву «баграми метафор ловить явления духа» [2, с. 48], приведем здесь поэтические свидетельства «фантомных болей» у поколения, рожденного в изгнании: «И в песчаные степи пришел рассвет. / Шла-шла и устала душа / Спиной почуяв родную скалу, / Горюх захотел прислониться. / Но здесь ни камня, ни горы. / Упал в степи (на равнине) горюх» [1].

Балкарцы входили в число народов, выселенных целиком за пределы своих территорий в годы Великой Отечественной войны. Осенью 1942 г. западные районы Северного Кавказа были оккупированы германскими войсками. Немцы установили там местные формы ограниченного самоуправления в виде национальных комитетов. Однако коллаборационистов, готовых служить оккупационному режиму, было немного. Невзирая на это, в ноябре 1943 года было положено начало поголовному переселению «народов – предателей» Северного Кавказа. Первым в течение двух дней был выслан карачаевский народ – 69267 чел. (15980 семей) в том числе – 12500 мужчин, 19444 женщин, 36670 детей были погружены в эшелоны товарных вагонов и отправлены на восток страны. 8 марта 1944 г. были выселены 37713 балкарцев. Из общего числа высланных 52% составляли дети, 30% – женщины, 18% – мужчины: инвалиды, вернувшиеся с войны, и глубокие старцы [8, с. 213].

Согласно инструкции НКВД СССР о порядке выселения каждому переселенцу разрешалось взять с собой продовольствие и имущество весом до 500 кг на семью. Однако организаторы выселения на сборы давали двадцать минут. Старики, женщины и дети изгонялись из родных домов, в чем были обуты и одеты, без теплых вещей, без продуктов, с небольшим ручным багажом. В пути в необорудованных вагонах от голода, холода и болезни люди умирали. «Моя прабабушка умерла в вагоне. Ее тело на одной из промежуточных станций вытащили из поезда и оставили лежать на железнодорожной насыпи», – рассказала преподаватель английского языка Татьяна Ногерова (1970 г.р., записано в с. Каменка в июле 2012 г.). «Мне об этом рассказала моя бабушка. Даже перед своей смертью она горевала, что так и не смогла побывать на том полустанке, где было брошено под откос тело ее матери. Моя мама родилась в ссылке. А мне самой трудно представить, как можно было целый народ записать в предатели и выслать всех – и стариков, и детей. Выслать практически в никуда», – отметила она.

Те, кто пережил дорогу и лишения, оказались в огороженных и тщательно охраняемых местах. В течение 3 лет депортированные народы жили на казарменном положении. В местах ссылки жизнь протекала в условиях особого, специального режима, определяемого правилами и инструкциями ведомства Берии. Согласно им, все спецпереселенцы, начиная с грудных младенцев, ставились на специальный учет. Ежемесячно депортированные обязаны были отмечаться по месту жительства в спецкомендатурах и не имели права без ведома и санкции коменданта отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой уголовную ответственность без суда и следствия.

Каждый из высланных имел свой опыт стигматизации и свой опыт адаптации, которые зависели не только от этнической принадлежности, но также от пола и возраста человека. Эти факторы имели решающее значение в вопросе о том, сколько у человека шансов на выживание, для мужчин – с начала войны, для женщин и детей – с начала депортации.

Наиболее уязвимой категорией депортируемых были беременные женщины и кормящие матери. Народная память сохранила немало примеров того, как женщина отказывалась от ребенка, будучи не в силах одной адекватно разобраться в трудной ситуации, не понимая, возможны ли старые практики в иных, экстремальных условиях.

Елена Малкондуева (1974 г.р., записано в с. Яникой в сентябре 2012 г.) рассказывала, что ее бабушка вынуждена была оставить трёхмесячного сына соседям-кабардинцам, так как находилась в ужасе от происходящего и думала, что он не выживет в дороге. Вынужденная разлука матери со своим ребенком во имя спасения его жизни, возможно, и не была истеричной реакцией на непредсказуемую перспективу жизни на чужбине: мол, и там живут люди, и там растут дети. Об этом – судьба Цацмы Хубиевой, матери пятерых детей. Ее внучка Фатима Узденова (1965 г.р., записано в с. Учкикен в июле 2012 г.) рассказывает, как бабушка работала круглые сутки, чтобы прокормить детей, но поняв, что всех спасти не удастся, стала большую часть отдавать старшим детям. Трудно представить, как женщина смогла пойти на такую жертву. Но трое старших выжили, маленькие умерли. Цацма рассказывала внукам, что много раз стояла в сарае с веревкой в руках, но ее останавливало то, что оставшиеся дети без нее не выживут.

Тем не менее, жизнь во всех ее проявлениях продолжалась и в дороге в Среднюю Азию, и в местах спецпоселений. Организация быта в пути стихийно повторяла повседневный традиционный патриархальный уклад. Товарные вагоны, в которых везли людей, были условно сегрегированы по признаку пола. На мужской стороне вагона велись разговоры о судьбах народа и насущных проблемах и принимались решения, на женской – готовили пищу, смотрели за детьми. Роды в публичном месте, которым при этом оставался вагон, приобретали экстремальный характер не только из-за недостатка гигиены или отсутствия медицинской помощи, но и из-за стыда перед чужими мужчинами, нарушения системы запретов на интимные действия и процессы.

Женщины рожали, но дети умирали часто. Резкая смена климата и сильный стресс влияли на фертильность и вызывали различные болезни. Трудности были связаны не только с привыканием к местному климату, но и с налаживанием отношений с местным населением.

Поэтому вопросы: «Как мать могла решиться оставить ребенка на станции или в детском доме?»; «Дать ему шанс выжить под чужим именем или позволить умереть голодной смертью?» носят риторический характер, ответы на них привязаны к ситуации, связанной с ломкой этнической пространственной модели, дезориентации коллективного сознания, столкнувшегося с угрозой существования народа в целом.

Как видно, тяготы депортации сказались больше на женщинах. Многие балкарки не знали русского языка, без мужчин они растерялись и не видели путей к спасению. Они умирали вместе с детьми, отдавали их «в надежные руки» соседей или государства, иногда пытались спасти от голода старших детей, жертвуя младшими. Невозможность выполнить свой материнский долг для них означала и невозможность жить.

Проблемы были связаны и с неготовностью горянок участвовать в общественном производстве наравне с мужчинами. Вообще, выход женщины в публичное пространство традиционно был связан с рядом запретов и ограничений. Этот устоявшийся уклад был нарушен с началом войны, когда женщины были вынуждены выполнять ту работу, которую делали до ухода на фронт их мужчины. В первые годы ссылки, дополнительно к своим специфическим функциям в семье и обществе, они несли новое для себя бремя – главы семьи и основной производительной силы в обществе.

К началу войны, безусловно, преобладала патриархальная модель, и главой семьи всегда был старший мужчина. Так было в мирной жизни, но форс-мажор депортации поменял приоритеты. Вначале мужчины призывного возраста были на фронте, среди ссыльных оставались только старики и инвалиды. Они знали только родной язык, не могли ориентироваться в дороге и по прибытию – на местности, поэтому все вопросы выживания

коммуникации с местным начальством должны были решать молодые женщины. Сфера ответственности горянки расширилась, так как ей пришлось, с одной стороны, выполнять традиционные обязанности – стирать, одевать, кормить и отапливать жилье, с другой стороны, ей приходилось нести ответственность за всех членов семьи, быть главой семьи и материально ее обеспечивать, играя роль, ранее принадлежавшую мужчине. Все это было невероятно трудно и требовало выдумки, инициативы, риска, смелости в принятии решений. А «зарабатывать» означало пойти на общественные работы, что для среднего и старшего поколения женщин было совершенно новой ареной. Особенностью советской гендерной системы вообще было сочетание эгалитарной идеологии решения женского вопроса, квазиэгалитарной практики, в которой сочетается политика равенства полов в публичной сфере и традиционных гендерных стереотипов, реализующихся в сфере семьи, быта и интимных отношений.

Социальное продвижение горянки имело следствием и появление новых личных качеств, которые ранее применительно к женщине не формулировались. Это отмечали все балкарки, прошедшие депортацию: за тринадцать лет депортации кавказские женщины стали смелее и независимее, их стали больше уважать в социуме.

Спецпереселенцы работали и жили рядом с людьми разных национальностей. Районы, куда были сосланы депортированные, представляли собой настоящие этнические конгломераты. Это была ситуация вынужденных, но очень активных межэтнических взаимодействий и контактов. Местное население проявляло к спецпереселенцам сочувствие и заботу, старалось облегчить их участь. Всех их объединял труд, и в сложившейся атмосфере ценить людей и выдвигать на работе начали по делам.

Мусуков Ахмат (1942 г.р., записано в с. Хабаз в июле 2012 г.) вспоминал, что у них была большая семья (6 детей) и их очень жалели соседи – казахи: «Помню, я часто пользовался их добротой. Если мне хотелось кушать, то я начинал с независимым видом ходить мимо соседского дома туда-сюда. А сам в это время смотрел, не увидят ли меня из окна. И вскоре окно открывалось, меня звали и набивали полные карманы чем-нибудь вкусным. Я сам не кушал, а бежал домой и все отдавал маме. Сейчас я понимаю, что почти попрошайничал. Но, думаю, меня извинит то, что мне было 5 лет».

Ослабленные люди не выдерживали голода, климатических условий, каторжного труда, бытовой неустроенности и раньше времени уходили из жизни. Только в Джалал-Абадской области Киргизии с апреля 1944 г. по июль 1946 г. умерло 69,5% от общего количества прибывших сюда балкарцев, чеченцев и ингушей. Вымирали целыми семьями, тем самым, обрывались генеалогические линии, подрывался генофонд нации. В иных населенных пунктах умерли все переселенцы. Некому было даже их хоронить. Заболеваемость среди спецпереселенцев была в несколько раз выше, чем среди местного населения. Медицинская помощь оказывалась местными лечебными учреждениями, но добираться туда нужно было от 10 до 50 км. Поэтому большинство из переселенцев умирали, не получив никакой медицинской помощи. Это был настоящий геноцид по отношению к переселенцам. По официальным данным, за годы ссылки погибло до 30% депортированных балкарцев. Среди них нет ни одной семьи, не похоронившей в пути, на поселении в Средней Азии и Казахстане своих близких. Резкое снижение численности населения – прямое следствие депортации народов.

Допущенная в отношении балкарцев несправедливость нанесла большой урон их национальной культуре, дальнейшее развитие которой было искусственно приостановлено. На спецпереселенцев были наложены ограничения по допуску их к педагогической работе и выдвижению на ответственные должности. Переселенцы не имели права обучаться в вузах, публиковаться в печати, иметь свои очаги культуры.

В Указах о выселении не определялся срок пребывания репрессированных народов в ссылке. В ноябре 1948 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что репрессированные народы высланы навечно, без права возвращения на этническую родину. Этим же Указом еще более ужесточался режим спецпоселения, и в соответствии с ним были осуждены тысячи спецпереселенцев, привлекавшиеся к уголовной ответственности не за злостный побег, а просто за выезд без разрешения к своим родным в другие селения. Выход за пределы очерченной зоны поселения расценивался как попытка к побегу.

В результате записанных интервью и устных историй мы реконструировали некоторые стороны женской повседневности в условиях войны и депортации балкарского народа, которые почти на два десятка лет превратили его жизнь в экстремальные будни, а роль женщины в экстремальных, близких к катастрофе, условиях рассматривается как решающая сила для выживания. Понятно, что депортация была шагом, направленным, помимо всего прочего, на деструкцию народа как единой системы. То, что создавалось десятками и сотнями поколений горцев – монолитность, восполненность и востребованность всей парадигмы этноопределяющих функций – было в одночасье разрушено. Женщины берут на себя ответственность перед обществом. Когда опасность отступает, они, как правило, отодвигаются на второе и третье место и играют свою традиционную роль в более и менее патриархальном государстве.

Список литературы

1. **Берберов Б.** Горец в степи // Заман. 2006. 21 января.
2. **Гачев Г. Д.** Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
3. **Гугова М. Х.** Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2015. 98 с.
4. **Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Текуева М. А.** Женское лицо в зеркале войны (история изучения и новые исследовательские задачи) // Известия Кабардино-Балкарского госуниверситета. 2012. Т. II. № 2. С. 42-44.
5. **Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Текуева М. А.** Стереотипы траурного поведения кавказских женщин в военные годы (1941-1945 гг.) // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой победы): материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 200-204.

6. Гугова М. Х., Текуева М. А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2012. № 46. С. 77-81.
7. Зумакулов Б. М. Реабилитация балкарского народа: история, проблемы, решения. Нальчик: Эльбрус, 1998. 117 с.
8. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000): учебное пособие / под ред. А. В. Венкова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 383 с.
9. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Из-во М. и В. Котляровых, 2005. 312 с.
10. Сабанчиев Х.-М. А. Были сосланы навечно. Нальчик: Эльбрус, 2004. 160 с.
11. Шабаев Д. В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 286 с.

ONTOLOGICAL EXPERIENCE OF DEPORTATION: GENDER ASPECT

Gugova Marina Khabasovna, Ph. D. in History, Associate Professor
*The Institute of Humanities Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences*
gugowa@mail.ru

Nal'chikova Elena Aniuarovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tekueva Madina Anatol'evna, Doctor in History
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
elenalchik@yandex.ru; tekmad@rambler.ru

The purpose of the article is the study of the woman's experience of survival in the conditions of the ethnic deportation of the Balkarians during the Great Patriotic War. The gender approach to the investigation allows determining the boundaries of the extreme and everyday in the period of the enforced resettlement. The main conclusion is as follows: the authority's policy towards the deported peoples of the Caucasus – the execution of "ethnic anesthesia" – turned out to be inefficient due to the woman's practices of adaptation to new conditions of existence and their ability to preserve mental guidelines.

Key words and phrases: women; woman's daily routine; deportation; survival practices; North Caucasus; the Balkarians.

УДК 1; 165; 168

Философские науки

В статье анализируются основные тенденции сближения естественнонаучной и социально-гуманитарной сфер современной научной рациональности: отказ от методологии индуктивизма и «наивного реализма», тяготение к конструктивистской парадигме в различных её версиях, включение субъекта познания в онтологию научной теории, пересмотр представлений об объективности научного знания. Делается вывод, что микроанализ как природного, так и социального мира приводит к переформатированию онтологии и является эффективной стратегией исследования вновь открытых форматов «схватывания» реальности.

Ключевые слова и фразы: естественные и социально-гуманитарные науки; научная рациональность; стратегии микро- и макроанализа; конструктивистская парадигма; «наивный реализм».

Гусева Ирина Ивановна, д. филос. н., профессор
*Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*
iris212009@rambler.ru

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ РАКУРСЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ

Научная рациональность во многом возникает из атмосферы времени, из «воздуха» культуры, на перекрёстке различных культурных устремлений. Встреча естественнонаучной и социально-гуманитарной культур мышления являет собой один из таких перекрёстков культуры. Как известно, граница между научным и ненаучным знанием является подвижной, скользящей. Граница между двумя территориями научной рациональности также является не жёсткой, раз и навсегда зафиксированной «демаркационной линией», но подвижной, время от времени пересматривающейся и меняющей свои конфигурации зоной.

Сегодня различия между двумя культурами мышления, когда-то считавшиеся незыблемыми, утрачивают свою хрестоматийность, императивность. В данной статье мы остановимся на тех тенденциях, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о сближении двух сфер научной рациональности. Таким хрестоматийным, в частности, стало различие естественных и социально-гуманитарных наук по критерию объективности знания.

Как известно, ангажированность, ценностная нагруженность наук, изучающих человека и общество, считается чуть ли не их «первородным грехом». Собственно, социальные аналитики никогда и не отрицали этого, подчёркивая, как М. Вебер, что научная «объективность» отнюдь не тождественна отсутствию убеждений: «Качество явления, позволяющее считать его "социально-экономическим", не есть нечто, присущее ему